

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ - КОРИДОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Автор: Т. Ю. СИДОРИНА

Статья Л. Якобсона "Социальная политика: коридоры возможностей", прочитанная в канун 2006 г., стала для меня неким логическим завершением складывавшегося на протяжении нескольких лет представления о причинах торможения в области решения социальных проблем и возможных траекторий дальнейшего развития социальной политики в России. При общей тенденции реформирования в стране социальная политика, что могло бы показаться парадоксальным, оказалась в застое. Это касалось всех ее направлений, и в частности очевидно проявилось в области образования.

Как учебная дисциплина социальная политика была широко востребована, однако еще в 2004 г. при изобилии публикаций по социальной проблематике студентам и аспирантам, изучающим соответствующие дисциплины, нельзя было предложить ни одного систематизированного свода знаний о сути и трансформации исходных оснований социальной политики как важнейшего общественного института новейшего времени. С этим я и мои коллеги неизменно сталкивались в ходе преподавательской деятельности. Захотелось разобраться, в чем же причины такого печального положения.

В свое время Ф. Бэкон писал о препятствиях, стоящих на пути истинного познания. Он называл их заблуждениями, или идолами, выделяя идолов рода, пещеры, рынка и театра. Философия - не физика. Величие философских открытий подтверждается в течение столетий, подтверждается их современностью. Идолы Бэкона актуальны и сегодня. Особенно это касается идолов рынка: расхожие мнения, ярлыки, штампы заставляют забывать об истинном смысле многих понятий [Бэкон, 1972, с. 19 - 20].

Так случилось и с социальной политикой. В настоящее время она представляется неким собранием мероприятий в сфере социального обеспечения, прикладной областью, весьма удаленной от творческого научного поиска. Такое положение дел во многом обусловлено отношением к социальной политике в СССР, где в рамках плановой экономики проводилась соответствующая социально ориентированная деятельность, отличная как от социальной политики дореволюционной России, так и от моделей социальной политики стран с рыночной экономикой.

В период активного экономического реформирования в России решение социальных вопросов, как и разработка соответствующей переменам социальной политики, были отложены, что повлекло за собой общеизвестные трагические и во многом непоправимые последствия, признанные самими же экономистами, но уже значительно позже. Одной из причин этого, безусловно, была явная недооценка социальной политики как сферы внутривнутриполитической деятельности государства молодыми российскими реформаторами (в большинстве своем получившими "классическое советское" политэкономическое образование).

С и д о р и н а Т а т ь я н а Ю р ь е в н а - доктор философских наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

Ситуация осложнялась и тем, что научное сообщество России, а именно тот его сегмент, который специализировался в области исследования социально-экономической проблематики, представлял собой некое архаическое порождение советской системы и советской науки. Научные издания в этой области и в 1990-х гг. за редким исключением покоряли отсутствием теоретического обоснования, межстрановых сопоставлений, соотнесенности с зарубежными исследованиями. В изменившихся социально-экономических условиях, обратившись к осмыслению и анализу новых социальных проблем, российские ученые продолжали работать в прежней советской парадигме.

В книге "Прогресс и хаос" (2002) известный финский социолог, директор Центра российских и восточноевропейских исследований М. Кивинен пишет: "Поразительно, что, несмотря на глубину потрясений и трагедий, пережитых российским обществом, российская социология не вышла за рамки безобидных эмпирических исследований, не выработала сколько-нибудь серьезных теоретических концепций. И это при том, что теоретические концепции являются основой рефлексии в общественных науках... В определенной степени отсутствие социологических концепций и ныне является проблемой для российских общественных наук. Создается впечатление, что почти все более или менее известные российские социологи обзавелись собственными научными институтами, в которых проводятся многочисленные прикладные исследования мнений и ценностей по самым разным проблемам, вызывающим интерес у их создателей. Может показаться, что лишь немногие из этих научных учреждений имеют достаточно энергии и энтузиазма, чтобы заниматься серьезной теоретической работой..." [Кивинен, 2002, с. 13 - 14].

Неприятная и жесткая оценка, но относительно социальной политики она близка к истине. И хотя теоретические аспекты социальной политики рассматривались в книгах и статьях Л. Гордона, И. Григорьевой, Т. Заславской, Л. Константиновой, В. Лексина, В. Ройка, С. Смирнова и других ученых, нельзя не признать, что это - весьма ограниченный круг авторов и работ.

Я хотела бы высказать некоторые соображения о состоянии социальной политики как научного направления, хотя не претендую на их окончательность и полноту. Социальная политика в СССР в постсоветской России не рассматривалась как область собственно социологических исследований, раздел социологии, хотя такие выдающиеся российские мыслители, как П. Сорокин, С. Булгаков, П. Новгородцев писали о социальной политике как о серьезном направлении научных исследований. Это один из важных факторов.

Другой связан с тем, что для советской России одной из приоритетных областей научных исследований на протяжении десятилетий была сфера труда, чему соответствовали интерес и поддержка такой дисциплины, как экономика труда. Активно развивалась социология труда и занятости, но ею занимались тоже, скорее, экономисты, во всяком случае люди, близкие им по духу и исследовательским интенциям. Исследования трудовых отношений, их организации и планирования, трудовой мотивации, трудовой адаптации и прочего проводились очень широко (см., например, [Тощенко, 2005]). Преобладала эта тематика и в исследованиях по социальной политике, поскольку политика занятости как одно из направлений социальной политики в СССР признавалась в качестве приоритетной. При этом другие сферы и направления социальной политики столь серьезно не изучались (чему в общем-то были объективные причины), что не могло не сказаться в ситуации скоропалительного перехода к рыночной экономике.

Возвращаясь к тезису о плановости советской экономики. Гражданам СССР были гарантированы труд, пенсионное обеспечение по достижении определенного возраста или в случае инвалидности; среднее образование было обязательным, высшее - бесплатным, как и медицина; трудящиеся граждане могли рассчитывать на оплаченный отпуск по болезни и т.д. К этому можно добавить почти бесплатное обеспечение досуга и отдыха советских людей: кино, театры, спортзалы, стадионы, бассейны, профсоюзные дома отдыха, турбазы, дешевый проезд на городском транспорте, железной дороге и даже самолете. Конечно, социальная стратификация имела место и в сталинские, и в хрущевские, и в застойные брежневские времена, но, как мы теперь уже хорошо осведомлены, каждый слой советского общества имел все перечисленные блага, хоть и разного качественного наполнения [Кивинен, 2004; Крыштановская, 2004].

Переход на иные экономические рельсы кардинально изменил ситуацию. В преддверии радикальной экономической реформы и преобразований политической системы нашего общества (1990 г.) перед российским правительством стояла проблема выбора парадигмы включения социальной политики в экономическую стратегию. Концепция реформ изначально исходила из необходимости повышения эффективности функционирования хозяйственной системы. При этом социальная сфера рассматривалась в качестве элемента общей экономической стратегии. Критерий эффективности новой системы лежал на стороне экономических факторов, а состояние и динамика социальной сферы относились к числу ограничений. Несмотря на многочисленные декларации о "социально ориентированной экономике", "социальном государстве", развитие социальной сферы даже не называлось в качестве явной цели реформ (во всяком случае, в кратко- и среднесрочной перспективе); фактически учитывался лишь один аспект - возможность острых социальных кризисов. Такой подход во многом обосновывался, а зачастую и оправдывался наличием "определенного запаса прочности социальной системы". Можно выделить мотивы, которые позволили отложить решение социальных проблем в начале 1990-х гг.:

- слабое имущественное и доходное расслоение общества и, следовательно, его относительная социальная однородность приводили к более или менее равномерному распределению тяжести реформ в обществе;

- население располагало некоторыми финансовыми и материальными ресурсами, сформировавшимися в условиях дефицитной экономики и не растраченными к моменту начала реформ;

- подобный же "запас" существовал и в отраслях социальной сферы, что в силу инерции позволяло им в течение какого-то времени относительно благополучно функционировать даже при отсутствии поступления новых ресурсов;

- в обществе были широко распространены реформаторские ожидания и настроения, носившие идеалистический характер (см. [Космарский, Малева, 1995]).

Итак, реформаторы оставили решение социальных вопросов и разработку новой социальной парадигмы "на потом". Российское государство, стремительно ворвавшись в заманчивый капиталистический мир, во-первых, осталось без социальной политики как внутривластной доктрины, а во-вторых, социальные и экономические науки, так долго и усердно изучавшие проблемы труда в советский период, иного объекта для изучения, видимо, не предполагали. Вот и покати́лась невостребованная социальная политика по привычным научным рельсам.

Якобсон предлагает, на мой взгляд, интересную и вполне обоснованную интерпретацию причин и последствий ситуации, которая сложилась в социальной политике 1990-х гг. Он рассматривает проблему "мягких бюджетных ограничений и мягких социальных обязательств государств" в контексте отставания России в области решения социальных вопросов. Якобсон начинает с анализа известных теоретических моделей социальной политики, а именно - моделей государства благосостояния (например, [Esping-Andersen, 1990]), и сопоставляет условия, возможности и институты государств благосостояния и СССР. "В плановом хозяйстве, - пишет он, - перераспределение жизненных благ почти неотделимо от первичного распределения, а это последнее - от распределения производственных ресурсов "единой фабрики". Так, формирование пенсий или стипендий находилось, по сути, в общем ряду с формированием зарплат, которое в свою очередь происходило в рамках более или менее тех же институтов, что формирование потоков сырья и материалов. Государство не просто признавало, корректировало и защищало социальные права; эти права были продуктом его функционирования. Если институты государства благосостояния опосредуют взаимодействие социальных групп, отстаивающих свои зачастую конфликтующие интересы, то при социализме артикуляция расходящихся интересов говорила о дисфункции институтов социальной политики" [Якобсон, 2006, с. 56 - 57]. Таким образом, отмечает Якобсон, можно сравнивать условия жизни при рыночной экономике и при социализме (подчас в пользу социализма), но институты, поддерживающие эти условия, имеют мало общего между собой.

И все же Якобсон предпринимает попытку сопоставления зарубежных режимов благосостояния и советских механизмов социальной политики и останавливается на вопросе "мягкости обязательств государства", которая собственно и определяет особенности

советского типа институтов благосостояния: "Имеется в виду, - пишет Якобсон, - их принципиальная вариабельность, постоянное присутствие "тонкой настройки" провозглашаемых социальных прав при посредстве множества формальных и неформальных норм и конкретных решений, принимаемых в режиме "ручного управления" нечетко очерченным кругом лиц на основе подчас сомнительных полномочий. Непрозрачная, во многом децентрализованная и отчасти произвольная "настройка" позволяла гибко адаптироваться к ресурсным возможностям, в том числе на местах, и поддерживать специфическую систему стимулирования. Мягкость обязательств возникла отнюдь не только ради сокрытия неравенства и не в силу несовершенства инструментов, обеспечивавших исполнение (enforcement) норм. Однозначность интерпретаций и строгость исполнения формальных норм верхнего уровня привели бы к дисфункциям системы распределения.

Например, сравнительно несложно было бы предельно конкретизировать и жестко контролировать нормы распределения жилья или очередности госпитализаций" [Якобсон, 2006, с. 58].

Если советскую систему решения социальных вопросов рассматривать как "систему мягких обязательств и вариативных решений", то напрашивается вывод, что "мягкие обязательства" во многом способствовали иллюзии успешности проводимой социальной политики. Полагаю, что наличие системы "мягких обязательств" явилось одной из причин, позволивших отложить решение социальных вопросов. В итоге страна столкнулась с неизбежной ситуацией "исчерпания адаптационных возможностей". "Долгий опыт опоры на мягкие обязательства, иначе говоря, институционализированного лицемерия, - пишет Якобсон, - крайне усложнил решение задач (в социальной области. - Т. С.), приучив вместе с тем к легкости в безответственном нормотворчестве" [Якобсон, 2006, с. 65].

В заключение я бы хотела вернуться к вопросу о том, почему и как была "упущена" социальная политика в России. Социальная политика не сводится к мероприятиям в помощь нетрудоспособным, малоимущим, пожилым и больным. В развитых странах, на разных концах планеты социальная политика - важнейшая область внутренней политики государства, и проводится она исходя из серьезных оснований, продуманных на теоретическом плане и проверенных на практическом уровне. Великобритания, Германия, США, Франция, Канада и многие другие страны гордятся учеными, теоретиками, государственными деятелями, создавшими и воплотившими в жизнь известные во всем мире концепции и модели социальной политики. В нашей стране эти идеи, теории, концепции до сих пор почти неизвестны, не изучены, не востребованы, что зачастую может стать причиной формирования теневой социальной политики.

В этом контексте обсуждаемая статья, сочетая обширное знакомство и понимание основных тенденций теоретического развития и истории социальной политики с анализом конкретной социально-экономической ситуации современной России, позволяет надеяться, что, несмотря на определенное сомнение, которое Якобсон высказывает в отношении плодотворности союза политиков и экспертного сообщества, предложения и прогнозы экспертов будут услышаны и помогут успешному поиску коридоров возможностей в области решения социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бэкон Ф.* Новый органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека // *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1972.
- Кивинен М.* Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002.
- Кивинен М.* Средний класс современной России // *Мир России.* 2004. N 4.
- Космарский В., Малева Т.* Социальная политика в России в контексте макроэкономической реформы // *Вопросы экономики.* 1995. N 1.
- Крыштановская О. В.* Современные концепции политической элиты и российская практика // *Мир России.* 2004. N 4.
- Тоценко Ж. Т.* Социология труда: опыт нового прочтения. М., 2005.
- Якобсон Л. И.* Социальная политика: коридоры возможностей // *Общественные науки и современность.* 2006. N 2.
- Esping-Andersen G.* Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990.